

*На правах рукописи*



**Стребкова Лариса Ивановна**

**КУЛИКОВСКАЯ БИТВА В КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ  
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ  
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Курск – 2024

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».

Научный руководитель доктор исторических наук, профессор Самарцева Елена Игоревна.

Официальные оппоненты:

Володина Татьяна Андреевна, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», профессор кафедры истории и археологии;

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», доцент кафедры истории России.

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет».

Защита состоится «8» ноября 2024 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 24.2.322.02 ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Курского государственного университета <https://kursksu.ru/>.

Автореферат разослан «\_\_» \_\_\_\_\_ 2024 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета



Абакумова Екатерина Александровна

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** В современной исторической науке выделяется несколько направлений, изучение которых наиболее актуально. Одним из них является тема исторической памяти и коммеморативных практик как инструментов ее сохранения. О.С. Поршнева обоснованно отмечала: «Изучение исторической памяти представляется актуальным прежде всего потому, что она составляет основу национального самосознания, определяющего развитие народа и государства»<sup>1</sup>. Историческая память является связующей структурой общества и выполняет функцию конструирования системы ценностей<sup>2</sup>, в связи с чем изучение образов прошлого обретает особенную актуальность. Изучение механизмов формирования исторических мифов и динамики их развития приводит к пониманию того, как формируется и функционирует историческая память в качестве ядра коллективного сознания общества, способствует пониманию механизмов репрезентации прошлого в общественном сознании, роли в этом процессе отдельных сословий, общественных институтов и власти.

В отечественной историографии и коллективном историческом сознании Куликовская битва 1380 года воспринимается как одно из эпохальных событий истории России, сыгравших важную роль в становлении национального самосознания российского общества. Образ этого события, который запечатлелся у переживших его участников и современников, затем транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался изменениям, «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики.

Образы прошлого возникают, живут и трансформируются в определенном историческом контексте. Изменение контекста влечет за собой изменение содержания образа прошлого, демонстрируя его адаптацию к новой исторической ситуации. Претерпев со временем значительные изменения, образ Куликовской битвы продолжает существовать и в наши дни, по-прежнему занимая видное место в системе государствообразующих событий российской истории. Обращение к истории формирования образа Куликовской битвы даст возможность понять истоки характерных черт и особенностей, которые составляют основу современного понимания истории Российского государства.

---

<sup>1</sup> Поршнева О.С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Вып. 4. Екатеринбург, 2005. С. 112.

<sup>2</sup> Еремеева С.А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 885–927.

**Объект исследования:** коммеморативные практики, связанные с сохранением памяти о Куликовской битве 1380 года, в Российской империи второй половины XIX – начале XX веков.

**Предмет исследования:** процесс эволюции практик коммеморации, связанных с Куликовской битвой 1380 года, механизмы их формирования и трансформации в Российской империи второй половины XIX – начале XX веков.

**Хронологические рамки диссертационной работы** охватывают период второй половины XIX – начала XX веков. Выбор условной нижней хронологической границы объясняется тем, что к 1850 году сформировался набор основных коммеморативных практик, которые будут претерпевать изменения на протяжении последующих десятилетий.

Верхняя граница обусловлена революционными событиями 1917 года и последующим курсом, во многом отрицавшем культурное наследие Российской империи. В 1917 году, в целом, традиция коммеморации прерывается, значительно меняются оценки значения Куликовской битвы и роли личности Дмитрия Донского в истории России. Это находит отражение в трудах М.Н. Покровского 1920-х годов, в которых Донское побоище не упоминается либо представляется одним из рядовых событий.

**Территориальные границы,** в свою очередь, имеют некоторую специфику: определяются разными уровнями коммеморации – общероссийским и региональным. Первый включает в себя коммеморативные практики, реализованные в столичных городах (г. Москва, г. Санкт-Петербург). Региональный уровень включает в себя коммеморативные практики, имевшие распространение в городах и уездах разных регионов Российской империи (в городах и уездах Тульской, Московской, Рязанской, Калужской, Орловской, Херсонской, Полтавской, Бессарабской губерний), Царства Польского (Варшава).

**Степень научной разработанности проблемы.** В отечественной историографии большое внимание уделено осмыслению *современной методологии исследований*, в том числе исторической памяти<sup>3</sup>. Изучению коммеморативных практик посвящены работы С.А. Еремеевой, И.С. Огоновской, О.О. Дмитриевой, Е.И. Красильниковой, Б.А. Будюкина<sup>4</sup>.

---

<sup>3</sup> Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х т. М., 2003; Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 636–681; Румянцова М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. №21. М., 2007. С. 106–118.

<sup>4</sup> Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа: Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны: сборник статей. Оренбург, 2021. С. 237–241; Дмитриева О.О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию

Отдельной темой стало изучение юбилеев императорской России, что нашло отражение в трудах А.И. Буслаева, К.Н. Цимбаева, А.А. Касович<sup>5</sup>. Проблематика исторической памяти находится в центре внимания в работах Д.А. Сосницкого, Е.А. Ростовцева, Ю.А. Сафроновой, В.А. Тишкова<sup>6</sup>. Тема сохранения исторической памяти в современных музейных коллекциях в ракурсе взаимовлияния материальной и духовной культур, особенности русского исторического сознания рассмотрены в статьях Е.И. Самарцевой<sup>7</sup>. Проблемы сохранения исторической памяти, культурного наследия нашли отражение в работах не только историков, но и культурологов, искусствоведов<sup>8</sup>.

Различные аспекты *исторической памяти, механизмы формирования исторического сознания, влияние исторической памяти на формирование идентичности* рассмотрены в сборниках научных статей<sup>9</sup>. В научном издании «Историки в поисках новых перспектив»<sup>10</sup> поднимаются вопросы современных способов изучения исторического сознания, в том числе, вопрос изучения коммеморативных практик.

*Изучение «образов прошлого»* нашло отражение в исследованиях Е.С. Сенявской<sup>11</sup>. А.В. Святославский рассматривает особенности мемориальной

---

коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX-начало XX века): автореф. канд. ист. наук: 07.00.02. Чебоксары, 2019; Красильникова Е.И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.): дисс. ... докт. ист. наук. Омск, 2016; Будюкин Д.А. Благочестие и память: основные церковно-коммеморативные практики российского дворянства и купечества XVIII-начала XX в. Воронеж, 2014.

<sup>5</sup> Цимбаев К.Н. Истоки юбилейной культуры императорской России // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 70–79; Буслаев А.И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом: дисс....канд. ист. наук. М., 2010; Касович А.А. Празднование юбилеев Грюнвальдской битвы в XX веке // Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. №2 (8). Июль-декабрь. С. 79–90.

<sup>6</sup> Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник СПбГУ. 2014. №2. С. 208–251; Сосницкий Д.А. Юбилеи допетровской Руси в императорской России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып.4. С. 1226–1239; Сафронова Ю.А. Третья волна Memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. №3. С. 12–27; Тишков В.А. Введение. Междисциплинарный взгляд на историческую память и идентичность // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 5–11.

<sup>7</sup> Самарцева Е.И. Историческая память в диалоге материальной и духовной культур (на примере Тульского государственного музея оружия) // История. Историки. Источники. 2022. № 4. URL: [history2014.esrae.ru/ru/38-363](http://history2014.esrae.ru/ru/38-363) (дата обращения: 29.08.2024); Самарцева Е.И. Исторические предпосылки становления политической культуры в России // Известия Тульского государственного университета. Серия. Социология и политология. Вып. 4. Тула, 2003. С. 67–84 и др.

<sup>8</sup> Божченко О.А. Музей в формировании исторической памяти: автореф. дис. канд. культурологии: 24.00.03. СПб., 2012; Шелегина О.Н. Коммеморативные практики в музеях локальной истории Сибирского региона // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской Академии Наук. 2020. №3 (39). С. 74–82; Рубин В.А. Военно-мемориальное наследие как ресурс российской культурной политики: теория, история, практика: автореф. докт культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2021.

<sup>9</sup> Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012; Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018.

<sup>10</sup> Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография // Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. М., 2019.

<sup>11</sup> Сенявская Е.С. «Образ войны» в массовом сознании и исторической памяти: вопросы теории и методологии // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 318–329.

культуры России в разные периоды ее истории, прослеживает историю форм коммеморации<sup>12</sup>. Отдельно стоит отметить такое направление, как изучение «образов» войны и военно-исторических коммемораций<sup>13</sup>. Основные тенденции и особенности реализации государственной культурной политики в сфере военно-мемориального наследия России в XVIII – XX веках рассмотрены в работе В.А. Рубина<sup>14</sup>. Проблемы государственной политики в сфере сохранения исторической памяти, характерные черты восприятия военных событий прошлого анализируются в работе О.С. Поршневой<sup>15</sup>.

Одним из направлений изучения «образов прошлого» является исследование социокультурных механизмов *мифологизации и демифологизации исторических личностей или ключевых событий национальной (национально-государственной) истории*. В центре внимания таких исследований находятся государственные деятели, итоги правления которых становятся предметом общественных дискуссий (Александр Невский, Иван Грозный, Петр Великий и пр.). В данных работах культ героя рассматривается как система коммеморативных практик, формирующих и поддерживающих национальную идентичность<sup>16</sup>.

В отдельных трудах предметом исследования выступает *процесс формирования «мемориальных ландшафтов», «мест памяти», образа «родной земли»*. Процесс изменчивости топонимических структур в исторической памяти рассматривает Т.А. Володина<sup>17</sup>.

Историография коммеморации Куликовской битвы включает в себя такие направления, как история создания памятников на Куликовом поле, сохранение памяти о Куликовской битвы в народной среде, изучение образов Донского побоища и его героев.

Поскольку Куликовская битва 1380 г. является одним из определяющих событий для становления национального самосознания российского общества, обращение к этой теме для историографии было традиционным, однако это событие рассматривалось в большинстве работ с точки зрения его

---

<sup>12</sup> Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М., 2003.

<sup>13</sup> Федотова М.С. Севастопольская оборона 1853-1856 гг. в пространстве памяти // Россия XXI. 2012. С. 84–107; Федотова М.С. Севастопольская оборона (1854-1855 гг.) в культурной памяти дореволюционной России: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010; Антипин Н.А. Русско-японская война в культурной памяти российского общества. 1904-2000-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013; Волков Е.В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2009; Павленко О. В. Крымская война в исторической памяти Российской империи на рубеже XIX-XX вв. // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. 2014. С. 245–274.

<sup>14</sup> Рубин В.А. Военно-мемориальное наследие как ресурс российской культурной политики: теория, история, практика: автореф. докт. культурологии. Челябинск, 2021.

<sup>15</sup> Поршнева О.С. Феномен исторической памяти о войне // Война в исторической памяти. С. 112.

<sup>16</sup> Леонтьева О.Б., Репина Л.П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России // Историки в поисках новых перспектив. Коллективная монография // Под общей редакцией З.А. Чеканцевой. М., 2019. С. 304–305.

<sup>17</sup> Володина Т.А. Проблема устойчивости и изменчивости смыслов в исторической топонимике // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 2. С. 491–502.

значения для истории России в рамках исключительно средневековой истории<sup>18</sup>.

Формирование такого направления, как изучение истории памятников Куликова поля и отражение Мамаева побоища в народной памяти имеет свои истоки в дореволюционной историографии. В начале XX века к истории создания памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле обратился тульский историк М.Т. Яблочков<sup>19</sup>. Он впервые сделал детальный обзор документов, содержащих сведения о создании в Тульской губернии ансамбля мемориальных сооружений, посвященных сохранению памяти о Куликовской битве. На основании делопроизводственной документации и материалов переписки инициаторов возведения памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле он описал церемонию его открытия.

Тема сохранения памяти о героях Куликовской битвы и широкого распространения литературных памятников Куликовского цикла в народе на протяжении XVIII-XIX веков стала предметом исследований советских филологов, фольклористов и этнографов. Б.Н. Путилов обратил внимание на почитание в народе Дмитрия Солунского, небесного покровителя князя Дмитрия Ивановича<sup>20</sup>.

Значительное внимание теме отражения Донского побоища в сознании русского общества Средневековья и Нового времени уделено в трудах филолога и историка С.Н. Азбелева. В центре внимания исследователя находился фольклор и народный эпос, отражавший формы сохранения памяти, характерные для традиционного общества<sup>21</sup>. Автор рассмотрел вопрос бытования литературных памятников Куликовского цикла в среде русского крестьянства.

В ходе подготовки к празднованию 600-летнего юбилея Донского побоища было опубликовано большое количество литературы, как популярной, так и представляющей интерес с научной точки зрения.

Тема отражения Куликовской битвы в народной памяти нашла отражение в статьях О.А. Державиной, В.Ю. Троицкого, Л.Н. Пушкарева, Г.Г. Елизаветиной, Л.П. Сидоровой<sup>22</sup>. Многие авторы подняли вопрос о причинах

---

<sup>18</sup> Горский А.Д. Куликовская битва 1380 г. в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 15–42; Скрынников Р.Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. (Материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 43–69.

<sup>19</sup> Тульская старина / под ред. Н.И. Троицкого. Тула, 1902. № 9. С. 3–16; Яблочков М.Т. Памятник Великому Князю Московскому Дмитрию Донскому на Куликовом поле // Куликово поле: антология публикаций XIX-XX веков / сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014. С. 389–401.

<sup>20</sup> Путилов Б.Н. Куликовская битва в фольклоре // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Н. А. Казакова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 17. С. 107–129.

<sup>21</sup> Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982; Он же. Куликовская победа в народной памяти. СПб., 2011.

<sup>22</sup> Пушкарев Л.Н., Сидорова Л.П. Повести о Куликовской битве в русской лубочной картинке и книжке XIX – начала XX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 129–153; Пушкарев Л.Н. К вопросу об отражении Куликовской битвы в русском фольклоре // Куликовская битва. Сборник статей. М., 1980. С. 265–274; Троицкий В.Ю. Куликовская битва в творчестве русских романтиков 10-30-х годов XIX века // Куликовская битва в литературе и искусстве.

популярности в народе сказаний о Куликовской битве<sup>23</sup>. В центре внимания многих исследователей 1980-х годов находилась *история мемориализации Куликова поля*. Важным вкладом в ее изучение стало издание сборника документов «Куликово поле: Летописи, документы», подготовленного на основе архивных коллекций ГАТО, ЦГИА, ЦГВИА с предисловием В.Н. Ашуркова<sup>24</sup>. В нем были опубликованы 67 документов, освещавшие широкие планы возведения ансамбля памятников на Куликовом поле и их трансформацию. Введение в научный оборот новых документов по истории мемориализации Куликова поля способствовало появлению новых исследований. Благодаря работе с архивными, публицистическими и периодическими изданиями был накоплен большой пласт фактического материала, что позволило в дальнейшем выделить отдельные периоды мемориализации Куликова поля и определить их характерные черты.

Истории создания памятников на месте сражения 1380 года посвящены работы тульского историка В.Н. Ашуркова<sup>25</sup>. Ему принадлежит ряд научно-популярных работ про Куликовскую битву, неоднократно переиздававшихся<sup>26</sup>. На основании выявленных в ГАТО, ЦГИА, ЦГВИА документов автор впервые подробно рассмотрел процесс создания ансамбля мемориальных сооружений на Куликовом поле.

Такие авторы, как М.И. Ростовцев, В.Д. Черный, А. Брагин, Г.Я. Мокеева и другие обращаются к изучению памятных мест, связанных с Куликовской битвой<sup>27</sup>. Л. Тудоси приводит данные о результатах последних археологических работ на территории Николо-Угрешского монастыря и новой датировке Никольского собора, который трактуется как первый памятник, возведенного в память о Донском побоище<sup>28</sup>. Внимание исследователей XX в. было привлечено к изучению форм сохранения памяти о Куликовской битве в народной, крестьянской среде.

Внимание исследователей привлекает юбилей Куликовской битвы 1880 года. Л.П. Фролова рассмотрела роль тульского земства в организации и проведении торжеств на Куликовом поле в 1880 году<sup>29</sup>. Отдельные аспекты

---

Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 217–233; Елизаветина Г.Г. Куликовская битва и проблема национального характера в произведениях русских революционеров-демократов // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 234–246; Державина О.А. Куликовская битва в русской драматургии второй половины XIX века // Куликовская битва в литературе и искусстве. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1980. С. 247–257.

<sup>23</sup> Например, в статье М.Д. Курмачевой Крепостной интеллигент о Куликовской битве // Вопросы истории. 1981. №1. С. 178–180.

<sup>24</sup> Куликово поле. Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы / Сост. Баташова З.М., Малеванов Н.А., Петухов А.А., Сухов В.А., Фомин Н.К. Тула, 1982.

<sup>25</sup> Ашурков В.Н. Памятники Куликова поля // Куликовская битва. М., 1980. С. 275–288.

<sup>26</sup> Ашурков В.Н. Куликовская битва. 1380-1955. Тула, 1955; Ашурков В.Н. На поле Куликовом. Тула, 1980.

<sup>27</sup> Горский А.Д. Куликовская битва в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 40.

<sup>28</sup> Тудоси Л. Первый храм-памятник // Памятники Отечества. 1980. № 1. С. 92–94.

<sup>29</sup> Фролова Л.П. Роль тульской либеральной оппозиции в праздновании 500-летия Куликовской битвы // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX вв. Рязань, 1984. С. 146–151.



представления образа Дмитрия Донского в трудах авторов XVIII – XIX в. раскрыл А.Д. Горский<sup>30</sup>.

Важной вехой в истории изучения Куликовской битвы стал 600-летний юбилей этого события. Он не только послужил импульсом к широкому обращению к теме Донского побоища отдельных авторов, но и стал началом создания новой научно-исследовательской базы для проведения исследований разных направлений. В последнюю четверть XX века на месте сражения развернулись комплексные историко-географические работы, результаты которых были представлены в экспозициях созданного в 1996 году научно-исследовательского и культурно-просветительского учреждения – Государственного музея-заповедника «Куликово поле».

Перспективой культурной политики, нашедшей отражение в концепции развития музея-заповедника, стал переход от охраны отдельных памятников к сохранению всего историко-культурного и природного наследия Куликова поля<sup>31</sup>. Параллельно с работами по изучению и восстановлению историко-культурного ландшафта поля сражения, археологическими исследованиями, работами этнографов по изучению традиционных промыслов региона Куликова поля большую актуальность приобрели работы по изучению культурного наследия битвы, материального, воплощенного в памятниках, и нематериального.

В начале XXI века большое внимание исследователей было привлечено к изучению образов Куликовской битвы. Расширение проблематики исследований было связано с расширением методологической базы.

Рассматривая влияние на становление национального самосознания литературных памятников Куликовского цикла, А.Л. Хорошкевич делает акцент на связи тематики произведений и государственной политики, останавливаясь на идеологическом аспекта «исторической памяти»<sup>32</sup>. Тему взаимовлияния устной и письменной традиции в памятниках Куликовской цикла в начале XXI века продолжает разрабатывать М.В. Мелихов<sup>33</sup>. А.В. Лаврентьев рассмотрел мотивы обращения к теме Куликовской битвы и ее реликвиям русского государственного деятеля А.П. Волынского<sup>34</sup>.

Вопрос о трансформации образов Куликовской битвы находился в центре внимания А.О. Амелькина, который постарался отразить, «как менялось отношение к Куликовской битве в различные периоды истории

---

<sup>30</sup> Горский А.Д. Куликовская битва в исторической науке // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 40.

<sup>31</sup> Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. М.; Тула, 1999. С. 11.

<sup>32</sup> Хорошкевич А.Л. Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001.

<sup>33</sup> Мелихов М. В. Памятники куликовского цикла: взаимодействие устной и письменной традиции // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2003. №10. С. 267–281.

<sup>34</sup> Лаврентьев А.В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский и воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М; СПб., 2013.

России», начиная с конца XIV в. и заканчивая началом XXI в.<sup>35</sup>. Автор сделал вывод о том, что изменение восприятия этого события зависело от различных факторов, таких как внутривосточная обстановка, развитие культуры и исторического сознания. А.О. Амелькин впервые детально рассмотрел вопрос сохранения памяти о Куликовской битве в XVIII – начале XX веков. Он поднял важный для исследуемой темы вопрос о различии восприятия образа Донского побойца в разных сословиях российского общества XIX века<sup>36</sup>.

Продолжили тему особенностей восприятия образа Куликовской битвы с точки зрения исторической памяти А.В. Петров, А.А. Горский<sup>37</sup>. Особенности трансформации образа великого князя Дмитрия Донского в XIX-XXI веках рассмотрены в статьях Е.А. Ростовцева, Д.А. Сосницкого<sup>38</sup>. Н.В. Чугунова рассмотрела образ Дмитрия Донского в советской исторической науке 1930 – 1940-х годов<sup>39</sup>. Предания о Дмитрии Донском, распространённые среди жителей Куликова поля на рубеже XIX – XX веков проанализированы И.В. Пешехоновым и И.Г. Бурцевым<sup>40</sup>. Изучению памятников Куликовского цикла через призму мифологического осмысления исторической реальности посвящена статья А.И. Филюшкина, продолжившего исследования А.Н. Робинсона<sup>41</sup>.

Одновременно продолжились исследования в традиционном направлении изучения истории памятников Куликова поля. Обзор тульской археографии Куликовского сражения и его памятников представлен в работах Г.П. Присенко<sup>42</sup>. В рамках научно-исследовательской работы, проведенной перед реставрацией памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле в 2005–2006 годах, была опубликована статья М.Ю. Горячевой, рассмотревшей

---

<sup>35</sup> Амелькин А.О. Образ Мамаева побойца в общественном сознании России XVIII-XX вв. // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: сб. ст.: в 2-х т. Тула, 2007. Т. 2. С. 208–251; Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011.

<sup>36</sup> Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011. С. 224, 228.

<sup>37</sup> Петров А.В. Мамаево побойще. Гордость и предубеждения исторической памяти // Родина. 2005. № 19. С. 67–73; Горский А.А. События 1185 и 1380 гг.: восприятие современников и восприятие потомков // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000.

<sup>38</sup> Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. «Куликовский плен»: образ Дмитрия Донского в национальной исторической памяти // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4. С. 1149–1163; Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Средневековые герои и события отечественной истории в сетевых ресурсах // Историческая экспертиза. – 2018. № 1. С. 41–58.

<sup>39</sup> Чугунова Н.В. Дмитрий Донской в советской исторической науке 1930 – 1-й половины 1940-х годов: от рядового феодала до национального героя // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Труды Юбилейной научной конференции «Дмитрий Донской – государственный деятель, полководец, святой». Тула, 2001. С. 199–203.

<sup>40</sup> Пешехонов И.В., Бурцев И.Г. Дмитрий Донской в народных преданиях жителей Куликова поля и соседних регионов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 193–198.

<sup>41</sup> Филюшкин А.И. «Куликовский цикл»: опыт герменевтического исследования // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия: труды научно-практической конференции. Тула, 2000. С. 172–186.

<sup>42</sup> Присенко Г.П. Тульская археография XIX-начала XXI веков (обзор публикаций источников по истории Тульского края XIV-XX веков). Тула, 2014; Присенко Г.П. Проникновение в былое. Тула, 1984.

подробности истории создания этого монумента<sup>43</sup>. Исследователем был сделан вывод о том, что Куликовская колонна стала самым масштабным из монументов этого времени, сооруженных из металла на территории Российской империи. Е.В. Карпова ставит вопрос об авторстве идеи создания памятника на Куликовом поле<sup>44</sup>.

Статьи С.И. Демидова посвящены истории мемориализации Куликова поля в досоветский период<sup>45</sup>. Автор рассматривает процесс возникновения в XVI–XVII в. на Куликовом поле «исторических мест» – топонимов, связанных с именами участников Куликовской битвы.

Этапы мемориализации Куликова поля выделил и охарактеризовал А.Н. Наумов<sup>46</sup>. История создания памятных сооружений на месте сражения рассмотрена в статье В.П. Гриценко, А.Н. Наумова<sup>47</sup>. Некоторые аспекты оформления Куликова поля как памятного места А.Н. Наумов рассматривает в монографии<sup>48</sup>. Продолжает разрабатываться тема представления наследия Куликовской битвы в музейных экспозициях<sup>49</sup>.

Отдельные аспекты восприятия образа Дмитрия Донского отражены в зарубежной литературе. Некоторые из них в контексте «Сказания о Мамаевом побоище» затрагивает М. Изоха в работе, посвященной изучению образа Александра Невского в средневековой России<sup>50</sup>. Особенности формирования и изменения образа Куликовской битвы рассмотрены в трудах К. Парппей<sup>51</sup>.

В современной зарубежной историографии интерес представляет книга К. Парппей «Осмысляя Куликовскую битву: «Первый национальный подвиг»»,

---

<sup>43</sup> Горячева М.Ю. Памятник-колонна на Красном Холме. Новое о прошлом и настоящем // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2.: Сб. ст. в 2-х т. Т. 2. История / С.Н. Азбелев, Ю.В. Селезнев, А.В. Шеков. Под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2007. С. 327–350.

<sup>44</sup> Карпова Е.В. Работа И.П. Мартоса над проектом памятника Дмитрию Донскому // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: сб. ст.: в 2-х т. Тула, 2007. Т. 2. С. 261–274.

<sup>45</sup> Демидов С.И. Куликовская битва как образ исторической памяти // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Тула, 2003. Т. 2. С. 192–215; Демидов С.И. Мемориализация объектов архитектуры Тульского края на уровне обыденного мифологического сознания // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: сборник статей. Т. 2. История, этнография, искусствоведение / А.В. Кузьмин, Ю.В. Селезнев, А.В. Журавель и др.; под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2002. С. 220–231; Демидов С.И. Проблемы комплексного изучения природных и антропогенных памятников Куликова поля (историографический аспект) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 243–259; Демидов С.И. История мемориализации Куликова поля // Куликово поле. Возрождение памяти. Вып. 3. Тула, 2000. С. 7–52.

<sup>46</sup> Наумов А.Н. Основные этапы изучения и мемориализации Куликова поля и сражения 1380 г. // Музей-заповедник «Куликово поле»: концепция развития. М.; Тула, 1999.

<sup>47</sup> Гриценко В.П., Наумов А.Н. Музей-заповедник «Куликово поле» // Куликово поле и Донское побоище 1380 года // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 150. С. 299–344.

<sup>48</sup> Наумов А.Н. Куликово поле в XII–XX вв. Историко-географические очерки. Тула, 2017.

<sup>49</sup> Тематико-экспозиционный план юбилейной выставки государственного ордена Ленина исторического музея «600 лет Куликовской битвы» // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 278–308; Боть В.И. Из истории создания музея «Куликово поле» // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 439–445; Иванова Ю.В., Цепляев С.Е. Экспозиции, мемориалы, памятные места Куликова поля (История. Современность. Перспективы) // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 195–215 и др.

<sup>50</sup> Isoaho M. The image of Aleksandr Nevskiy in medieval Russia: Warrior and Saint. BRILL, Leiden-Boston, 2006.

<sup>51</sup> Parppei K. The Battle of Kulikovo Refought: "The First National Feat". BRILL, 2017; Parppei K. Image studies in examining shared perceptions of the past: two Russian cases // Петербургские славянские и балканские исследования. 2019. №2 (26). С. 15–36.

вышедшая в 2017 году <sup>52</sup>. В центре внимания автора – образы Куликовской битвы и их изменение в широких хронологических рамках, с того момента, как событие произошло, до начала XXI века. Автор ставит задачу выявить стабильные и изменяющиеся на протяжении нескольких столетий черты образа Куликовской битвы. Широкие хронологические рамки обуславливают выделение лишь самых общих тенденций трансформации образа Куликовской битвы в рамках написания национальной истории.

Таким образом, анализ литературы показывает большой интерес исследователей к проблемам формирования и трансформации коммеморативных практик в сохранении памяти о Куликовской битве 1380 года. Однако в отечественной историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные комплексному анализу отражения Куликовской битвы в коммеморативных практиках второй половины XIX – начала XX веков.

**Цель исследования** заключается в комплексном исследовании проблемы генезиса, становления и развития образа и принципов построения исторической памяти о Куликовской битве 1380 года во второй половине XIX – начале XX веков.

Для достижения обозначенной цели поставлены следующие **задачи**:

1. Определить место Куликовской битвы 1380 года в коммеморативной культуре Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков.
2. Охарактеризовать образ Куликовской битвы, выделить его характерные черты и изменения на протяжении второй половины XIX – начала XX веков, показать причины трансформации образа.
3. Выявить основные тенденции в отечественном историческом осмыслении Куликовской битвы, существовавшие на протяжении второй половины XIX – начала XX веков.
4. Объяснить место 500-летнего юбилея Куликовской битвы 1880 года в коммеморативной культуре Российской империи, выделить формы коммеморативных практик, применявшихся для сохранения памяти о Куликовской битве во второй половине XIX – начале XX веков.
5. Изучить процесс функционирования «мест памяти» Куликовской битвы во второй половине XIX – начале XX веков, охарактеризовать государственный, частный и общественный уровни коммеморации Куликовской битвы.

**Теоретико-методологическая база исследования.**

Основополагающими принципами, реализованными в диссертации, стали историзм, объективность, системность, позволившие осуществить анализ эволюции коммеморативных практик, связанных с Куликовской

---

<sup>52</sup> Parpei K. The Battle of Kulikovo Refought: "The First National Feat". BRILL, Leiden-Boston, 2017.

битвой. Поставленные в ходе исследования задачи решались на основе системного подхода, с учетом политических, социальных и экономических процессов, происходящих в Российской империи во второй половине XIX-начале XX веков.

Для проведения комплексного исследования были использованы общенаучные и специальные исторические методы.

**Историко-сравнительный метод** позволяет сопоставить практики коммеморации Куликовской битвы с комплексом мероприятий сохранения памяти о других выдающихся событиях отечественной истории (900-летие крещения Руси, 1000-летия Руси, 100-летие отечественной войны 1812 года, 300-летие Дома Романовых, юбилеи Бородинской битвы), таким образом, позволяет охарактеризовать место Куликовской битвы среди памятных событий российской истории на двух уровнях – общеимперском и региональном. Применяется при изучении комплекса мемориальных мероприятий, посвященных 500-летию юбилею Куликовской битвы, происходивших в разных регионах Российской империи.

В исследовании применяется **проблемно-хронологический метод**. В рамках изучаемого периода рассматривается проблема изменения содержания образа Куликовской битвы и представлений о значении этого события, выявляются тенденции в отечественном историческом осмыслении Куликовской битвы, существовавшие на протяжении второй половины XIX – начала XX веков.

**Системно-структурный метод** позволяет выявить взаимосвязи идеологических и политических факторов изменения коммеморативных практик, связанных с сохранением памяти о Куликовской битве 1380 года, проследить причинно-следственные связи в тенденциях развития комплекса мероприятий по увековечению памяти в Российской империи второй половины XIX – начале XX веков. Применяется при рассмотрении развития церемониальной коммеморативной практики в контексте государственной идеологии (в связи с концепцией С.С. Уварова). Обращение к образу Куликовской битвы в публицистике второй половины XIX века рассматривается в контексте активизации политики Российской империи в Средней Азии, русско-турецкой войны 1877-1878 годов. В рамках исследования образ Куликовской битвы рассматривается как один из элементов воинской культуры Российской империи.

Использование **историко-генетического метода** дало возможность исследовать условия формирования практик коммеморации, связанных с Куликовской битвой. Метод был использован для изучения генезиса интереса к теме Куликовской битвы в среде дворянства второй половины XIX – начала XX веков. В рамках изучения монументальной коммеморативной практики рассматривается развитие концепции увековечения мест сражений от

светского памятника-монумента до создания ансамбля памятников, сочетавшего как светские, так и религиозные элементы (храм, монастырь).

Работа выполнена в русле изучения истории памяти. Л.П. Репина отметила, что главным предметом истории памяти является «не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики»<sup>53</sup>. Особенное внимание Л.П. Репина уделила важности предметного поля исследования памяти, которое выступает как «некая идеальная реальность, которая является не менее важной, чем реальность событийная»<sup>54</sup>.

В отечественной историографии прослеживаются дискуссии о содержании концептов «историческая память», «культурная память», «образы прошлого», «процесс мемориализации», «коммеморативные практики»<sup>55</sup>. Для полноценного раскрытия темы автор опирается на дефиниции, предложенные рядом исследователей, соглашается с трактовкой их смыслового наполнения.

Автор термина «коммеморация» П. Нора определяет ее как комплекс различных способов сохранения, фиксации и передачи потомкам памяти о прошлом путем утверждения в материальных объектах – местах памяти – представлений об исторических событиях и их значении<sup>56</sup>. О.О. Дмитриева определяет коммеморацию (от лат. *commemoratio* – напоминание) как целенаправленную актуализацию исторической памяти путем организации и проведения мероприятий, посвященных памяти важного исторического события, исторической личности<sup>57</sup>. Соответственно, «Коммеморативные практики – это комплекс мероприятий, совершаемых в процессе формирования исторической памяти о важных событиях»<sup>58</sup>. Их можно классифицировать по субъекту инициирования (групповая/семейная, общественная и государственная); по масштабам реализации (общероссийская и региональная); по форме выражения (нарративная, визуальная, монументальная или церемониальная)<sup>59</sup>.

---

<sup>53</sup> Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 9–10.

<sup>54</sup> Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв... С. 414.

<sup>55</sup> Леонтьева О.Б., Репина Л.П. «Мемориальный поворот»... С. 281.

<sup>56</sup> Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Пер с. фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999. С. 71.

<sup>57</sup> Дмитриева О.О. Региональный уровень празднования 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых на примере г. Чебоксары // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». Вып. 7. № 3. 2021. С. 217–223.

<sup>58</sup> Там же. С. 218–219.

<sup>59</sup> Дмитриева О.О. Региональный уровень празднования 300-летнего юбилея... С. 218–219; Дмитриева О.О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX-начало XX века): автореф. к.и.н. Чебоксары. 2019. С. 10. И.С. Огоновская предлагает другую классификацию, в которой выделяются

В контексте изучения коммеморации используется понятие «места памяти» или «памятные места». Е.И. Красильникова определяет «памятные места» как объекты материальной среды, обжитой человеком, намеренно созданные с целью запечатления, хранения и трансляции коллективной памяти об актуальных для общества исторических событиях и лицах<sup>60</sup>. К ним относятся некрополи, скульптурные памятники и монументы, установленные в честь исторических деятелей и исторических событий, экспозиции и выставки исторических (краеведческих) музеев.

**Источниковая база исследования** представлена комплексом источников, которые можно разделить на несколько групп. В исследовании нашли отражение архивные документы из двух федеральных архивов: Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), а также регионального – Государственного архива Тульской области (ГАТО).

В Российском государственном историческом архиве важными для раскрытия темы являются документы Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (Ф. 1409), содержащие информацию о постройке памятника на Куликовом поле в 1850 году. Некоторые дела фонда Академии Художеств (Ф. 789), а также фонда Канцелярии Министерства Императорского Двора (Ф. 472) содержат информацию о живописных произведениях на тему Куликовской битвы. Многочисленные дела о сборе подписок на сооружение памятника содержат дела фонда Департамента Народного Просвещения (Ф. 733). В фондах Российского государственного архива литературы и искусства содержится информация об отражении Куликовской битвы в спектаклях, художественном творчестве (Ф. 1956).

В фондах Государственного архива Тульской области интерес представляют материалы о строительстве памятников на Куликовом поле. Они хранятся в фонде Канцелярии тульского губернатора (Ф. 90), Тульской Городской Думы (Ф. 518), а также фонде Тульской духовной консистории (Ф. 3). Большинство дел содержат материал о монументальной коммеморативной практике.

*Делопроизводственная документация*, хранящаяся в архивных фондах, позволяет изучить процесс строительства памятника Дмитрию Донскому, проведение юбилейных торжеств 1880 года, создание храма-памятника

---

поминальная, храмоздательская, топонимическая, реконструктивная, номинативно-организационная, художественная, церемониальная коммеморация. См. Огоновская И.С. Коммеморативные практики...С. 237–241.

<sup>60</sup> Красильникова Е.И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.); автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2016. С. 6.

Сергия Радонежского. Ряд источников, примененных в исследовании, были опубликованы в сборниках документов<sup>61</sup>.

*Материалы периодических изданий* изучаемого периода содержат отзывы современников о проведении юбилейных торжеств в честь Куликовской битвы, публикации документов по истории памятника на Куликовом поле, исторические рассказы на тему Куликовской битвы, заметки и статьи о реликвиях сражения 1380 года, юбилейные публикации, описывающие сражение и его роль в истории России, речи общественных и церковных деятелей, произнесенные по случаю юбилейных торжеств.

В рамках исследования применяются *источники личного происхождения (воспоминания, переписка)*. Данная группа источников показывает восприятие коммеморации Куликовской битвы в обществе XIX – начала XX вв. Важны воспоминания участников торжеств на Куликовом поле 1880 года, которые оставили Д.Д. Оболенский и М.Е. Казанский.

*Учебные издания и дидактическая литература* позволяют проанализировать содержание образа Куликовской битвы, сделать выводы о его трансформации. Учебные издания Российской империи (для школ, гимназий, высших учебных заведений) позволяют проанализировать образ битвы, сложившийся во второй половине XIX – начале XX веков. Для характеристики образа Куликовской битвы применялись также статьи энциклопедий, энциклопедических словарей, справочных изданий, путеводителей, опубликованных во второй половине XIX – начале XX веков. Охарактеризовать восприятие образа Куликовской битвы в изучаемый период позволяют также литературно-художественные произведения и изобразительные источники (иллюстрации в журналах и учебных изданиях, полотна художников).

В качестве источника выступают ряд сочинений историографического характера – монографии, статьи, публикации источников, посвященных Куликовской битве. В эту группу входят труды известных историков (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров), включая военных историков (Д.Ф. Масловский, А.К. Байов и др.).

Следует подчеркнуть, что специфика заявленной темы предполагает некоторую дискуссионность в разграничении историографического и источниковедческого обзоров.

**Научная новизна исследования** состоит в том, что впервые предпринята попытка комплексного изучения коммеморативных практик,

---

<sup>61</sup> Куликово поле. Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы / Сост. Баташова З.М., Малеванов Н.А., Петухов А.А., Сухов В.А., Фомин Н.К. Тула, 1982; Куликово поле: Антология публикаций XIX-XX веков / Сост. и авт. комм. А.Н. Наумов. Тула, 2014.



сложившихся во второй половине XIX – начале XX веков с целью сохранения памяти о Куликовской битве 1380 года.

Для изучения процесса формирования и трансформации образов Куликовской битвы в культурной памяти российского общества второй половины XIX – начала XX веков впервые привлекается широкий круг источников: учебная и дидактическая литература, периодическая печать, энциклопедии, труды военных историков.

На основании трудов общественных деятелей, материалов публицистики выявлены основные концепции, характеризующие значение Куликовской битвы, существовавшие во второй половине XIX – начале XX веков. Впервые проведен анализ характерных черт содержания образа Куликовской битвы во второй половине XIX – начале XX веков.

Привлечение широкого круга источников, прежде всего нарратива, позволяет охарактеризовать три компонента представлений о Куликовской битве (по О.Б. Леонтьевой): информативный (сведения и факты), концептуальный (целостные представления о ходе и смысле исторического процесса), аксиологический (оценка события с точки зрения ценностных приоритетов).

Впервые подробно рассмотрен региональный аспект празднования 500-летнего юбилея Куликовской битвы в городах и уездах Европейской части России.

В контексте топонимической коммеморации выявлены основные «места памяти» Куликовской битвы на региональном и государственном уровнях, затронут вопрос о процессе их функционирования, показана взаимосвязь монументальной и топонимической коммеморации.

Подвергнут анализу процесс формирования представлений о реликвиях Куликовской битвы, выявлен ряд новых сведений о реликвиях Куликовской битвы, участии их в церемониальных практиках императорского двора.

Впервые поднят вопрос отражения Куликовской битвы в фамильной памяти российского дворянства. Рассмотрен вопрос о причинах и предпосылках участия дворянства в коммеморации Куликовской битвы во второй половине XIX – начале XX веков. Выдвинут тезис о широком участии дворянства в практиках коммеморации в рамках стремления сохранить родословную память.

В научный оборот введены малоизвестные опубликованные и неопубликованные материалы.

#### **Основные положения, выносимые на защиту:**

1. В течение второй половины XIX – начала XX веков Куликовская битва находит выражение в разных типах коммеморативных практик – *нарративной* (написание специальных научно-популярных произведений и брошюр на тему Куликовской битвы, статей в энциклопедических словарях и

периодических изданиях, параграфов в учебных изданиях, хрестоматиях, сборниках рассказов), *визуальной* (создание живописных полотен А. Ивоном, А.П. Мясоедовым, В.Г. Худяковым; предметов прикладного искусства – П.И. Сазиковым – канделябра, портфеля, преподнесенного Цесаревичу Николаю Александровичу), *монументальной и церемониальной*. Монументальная практика находит выражение в создании комплекса мемориальных сооружений на месте сражения, включающего в себя монумент и несколько церквей (колонны-памятника князю Дмитрию Донскому, церкви в с. Монастырщина, храма-памятника Сергия Радонежского, храма в с. Березовка), а также закладку инвалидного дома в Туле. Церемониальная практика, в основном, представлена организацией юбилейных торжеств, посвященных 500-летию Куликовской битвы в 1880 году, охвативших разные регионы Российской империи.

2. На протяжении второй половины XIX – начала XX веков происходит усложнение содержания образа Куликовской битвы и его смыслового значения, в связи с чем восприятие этого события становится многогранным. Итоги битвы оцениваются в контексте ее значения для становления национального самосознания и единого государства (М.О. Коялович); одного из этапов противоборства Европы и Азии (С.М. Соловьев); ее прогностической роли и последующего расширения границ Российского государства (Д.Л. Мордовцев и др.). Неоднозначность оценок события стала одной из причин актуальности образа Куликовской битвы и имела следствием развитие комплекса коммеморативных практик.

3. В исторической памяти Российской империи постепенно выделился ряд сражений отечественной истории, вокруг которых формировались практики коммеморации имперского уровня. Согласно определениям авторов XIX века, эти сражения «воспитывали и укрепляли дух русского народа», соответствуя укреплению национальной идеи. В первой половине XIX столетия к ним относились Куликовская битва, спасение Москвы в 1612 году, Полтавская битва, Бородинское сражение; во второй половине XIX века к ним добавились еще две битвы, обретшие символическое значение - осада Севастополя в годы Крымской войны 1854-1855 годов и бой за Шипкинский перевал<sup>62</sup>. В ряду перечисленных военных событий Куликовская битва являлась старейшим событием. Последующие битвы были связаны с историей Дома Романовых и утвердившейся на престоле династией Романовых, и хронологически соответствовали XVII, XVIII, XIX векам.

4. Для разных сословных групп Российской империи было характерно использование разных видов коммеморативных практик. Большая роль в реализации монументальной формы коммеморативной практики

---

<sup>62</sup> Военный сборник. СПб., 1873. Т. LXXI. С. I.

принадлежала дворянству, в реализации нарративной и церемониальной – интеллигенции. Для сохранения памяти о прошлом представители крестьянства чаще всего использовали форму топонимической коммеморации (восприятие памятниками эпохи князя Дмитрия «мест памяти» - башен Московского Кремля, церквей и монастырей, связанных с походом к Дону 1380 года).

5. Во второй половине XIX – начале XX вв. происходил процесс формирования представлений о реликвиях Куликовской битвы, они имели большое значение в реализации коммеморативных практик. Реликвии Куликовской битвы выполняли функцию трансляции памяти о событии, становились элементами церемониальных практик разных уровней – государственного (участвуют в церемониях императорского двора в качестве подарков императорам и наследникам, выполняют роль презентации государственных реликвий, как знамя Дмитрия Донского, являются частью интерьера государственных музеев и дворцов), семейного (хранятся в дворянских коллекциях как отражение исторической памяти дворянства) и общественного (представлены в экспозициях общественных музеев, хранилищах при церквях и монастырях, как посох Пересвета). Во второй половине XIX – начале XX в. экспонаты, связанные с Куликовской битвой, были представлены в экспозициях как столичных (Оружейная Палата, Эрмитаж, Большой Дворец), так и провинциальных музеев и учреждений (Тульская Палата Древностей).

**Теоретическая значимость работы** обусловлена тем, что разработка рассматриваемой проблемы способствует системному изучению механизмов функционирования практик коммеморации в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков. Результаты исследования могут стать теоретической основой для дальнейшего осмысления исторического опыта сохранения памяти о событиях прошлого не только в рассматриваемый период, но и в наши дни.

**Практическая значимость работы.** Представленный фактический материал возможно использовать при подготовке учебных пособий, учебно-методических изданий, при подготовке лекционных курсов и исследований по истории Куликовской битвы, исторической памяти, коммеморации. Результаты исследования могут использоваться в преподавании отечественной истории в средних и высших учебных заведениях, а также применяться в исследовательской и экспозиционно-выставочной работе музеев.

**Апробация результатов исследования.** Основные результаты исследования были представлены автором в форме докладов на международных, всероссийских и межрегиональных научно-практических конференциях, проводившихся в Тульском государственном педагогическом

университете («Молодежь и наука – третье тысячелетие»), Государственном военно-историческом и природном музее-заповеднике «Куликово поле» («Город Средневековья и раннего Нового времени»), Тульском государственном музее оружия (Ежегодная Международная научно-практическая конференция «Мир оружия: история, герои, коллекции» 2020 - 2023 гг.), Тульском государственном университете (Ежегодная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (2021 – 2023 гг.), Всероссийская научно-практическая конференция «Начинается земля, как известно, от Кремля...»).

Многие положения данной работы отражены в 14 научных статьях, включая 4 статьи в ведущих рецензируемых журналах ВАК, включенных в Перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, двух глав (в первой главе – три параграфа, во второй – четыре), заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе **«Формирование и трансформация образа Куликовской битвы в российском обществе второй половины XIX – начала XX веков»** рассматриваются характерные черты образа Куликовской битвы и их трансформация на протяжении изучаемого периода.

В *первом параграфе «Место Куликовской битвы среди памятных событий российской истории второй половины XIX – начала XX веков»* рассматривается вопрос восприятия Куликовской битвы в среде военных историков и общественных деятелей, предпринимается попытка выделить те черты образа Куликовской битвы, которые сделали его актуальным на протяжении изучаемого периода.

Во второй половине XIX века значение Куликовской битвы в истории России часто рассматривается в контексте идеи государственного строительства. Восприятие Куликовской битвы как государствообразующего события нашло свое отражение на страницах энциклопедических словарей, изданных в конце XIX – начале XX веков.

Куликовская битва заняла особое место в трудах военных историков второй половины XIX – начала XX в. (Д.Ф. Масловского, А.К. Байова и др.). Представители «русской школы» представляли пример Куликовской битвы как доказательство существования на Руси своей, отличной от европейской, высокоразвитой школы военного дела. Важно, что полководческий талант и доблесть русского средневекового воинства, проявленную на Куликовом поле, признавали не только представители «русской школы», но и сторонники

академического направления. Куликовская битва стала для военных историков точкой консенсуса, значение которой было общепризнано. Во второй половине XIX – начале XX веков образ Куликовской битвы имел значительную роль в воспитании патриотизма среди нижних чинов российской армии. Источники свидетельствуют о том, что особенную актуальность образ Куликовской битвы обретал в годы военных событий – Русско-японской и Первой мировой войн.

Среди событий военной истории России наиболее полное отражение в коммеморативной культуре второй половины XIX – начала XX веков получили события, которые имели общепризнанное важное государственное значение и воспринимались в контексте Отечественной войны.

Место Куликовской битвы в коммеморативной культуре Российской империи определялось сочетанием трех характеристик, во многом совпадающих с тремя столпами доктрины С.С. Уварова. Не вызывало сомнения ее государствообразующее значение, которое неотъемлемо было связано с самодержавием. Красноречиво прослеживается связь Куликовской битвы с образом Отечественной войны, отражающим народность – единение народа перед лицом угрозы, захватчика, несправедного поработителя. Не менее ярок и образ Куликовской битвы как великого события в истории православия через образы Сергия Радонежского и монахов-воинов Пересвета и Осляби. Благодаря этому Куликовская битва воспринималась как одно из фундаментальных событий Российского государства, нашла отражение в разных коммеморативных практиках, применявшихся для увековечения памяти о выдающихся государственных, военных и церковных событиях русской истории. В связи с этим Куликовская битва стала важным элементом военной коммеморации в российских войсках.

Во *втором параграфе «Куликовская битва в нарративной коммеморативной практике второй половины XIX – начала XX веков»* поставлен вопрос о комплексе исторических представлений о Куликовской битве, который был характерен для исторического сознания второй половины XIX – начала XX веков. Анализируются три компонента образа Куликовской битвы: информативный (сведения и факты), концептуальный (целостные представления о ходе и смысле исторического процесса), аксиологический (оценка события с точки зрения ценностных приоритетов). Для характеристики первого компонента привлекаются: 1. Учебные издания для народных училищ и гимназий; 2. Учебная литература для высших начальных училищ и самообразования (хрестоматии, сборники рассказов, повестей); 3. Учебные издания для высшей школы; 4. Брошюры популярного характера, рассчитанные на малообразованную аудиторию; 5. Журналы для детского чтения, имевшие распространение в высших слоях общества.

Рассмотрение источников этих пяти групп позволяет сделать широкий охват аудитории читателей, в максимальной степени рассмотреть образ Куликовской битвы, существовавший на страницах учебных изданий и транслируемый через них.

Во второй половине XIX – начале XX веков Куликовская битва находит отражение в разных группах исторического нарратива – от художественных произведений, до рассказов в школьных учебниках и журналов для солдат. Теме Куликовской битвы посвящаются народные чтения, создаются художественные произведения. Во всем разнообразии форм нарратива можно выделить набор характерных черт образа Куликовской битвы. Это невыраженность, отсутствие подробно описанного «образа врага», слабо представленные образы непосредственных участников сражения. Среди героев битвы отмечаются князь Дмитрий Иванович, его соратники военачальники Владимир Серпуховской и воевода Боброк-Волынский, святой Сергей и иноки, которые становятся неотъемлемыми чертами образа сражения. Большинство авторов ограничиваются общим описанием, представляющим образ битвы как победу добра над злом. Все авторы солидарны в подчеркивании особенного, огромного масштаба битвы. Большинство авторов признавали важность победы в Куликовской битве для истории российского государства.

В *третьем параграфе «Осмысление значения Куликовской битвы в трудах историков и общественных деятелей второй половины XIX - начала XX веков»* анализу подвергнуты концептуальный и аксиологический компоненты образа Куликовской битвы.

Влияние концепции С.М. Соловьева (противостояние цивилизации и варваров, Европы и Азии) прослеживается в трудах таких общественных деятелей, как Н.П. Барсов, П.И. Мизинов. В рамках данной концепции значение битвы представляется в *возникновении идеи национального самосознания*. Во второй половине XIX в. и начале XX в. *идея зарождения после Куликовской битвы самодержавной власти московских государей* использовалась в основном в церковной риторике. В наиболее полном виде эта идея нашла отражения в учебниках для народного чтения. В восприятии ряда писателей и публицистов второй половины XIX века значение Куликовской битвы сводилось к ее *прогностической роли*.

В большинстве изданий XIX века встречается оценка Куликовской битвы как одного из важных рубежей в деле свержения монголо-татарского ига. Во второй половине XIX века усложняется и приобретает множество смыслов трактовка главного результата битвы как освобождения от ордынского ига.

Наличие нескольких прямо противоположных оценок значения Куликовской битвы (взгляды В.Г. Белинского, Д.И. Писарева, Н.И.

Костомарова, Н.Г. Чернышевского и др.) представляет собой первую попытку разрыва традиции, существовавшей в историографии Куликовской битвы и восходящей к XVI веку. Появление новых исторических романов, возрастание числа художественных произведений приводит к деструктуризации единого образа битвы и разделению его на отдельные образы, более характерные для той или иной общественной группы.

Во второй главе **«Места памяти» Куликовской битвы и их взаимодействие в культурном пространстве Российской империи второй половины XIX – начала XX веков»** рассмотрено отражение Куликовской битвы в церемониальной, монументальной, топонимической, изобразительной коммеморативной практике, а также место увековечения Куликовской битвы в родословной памяти дворянства.

В первом параграфе *«Юбилей Куликовской битвы 1880 года как концентрация исторической памяти и комплекс различных форм коммеморативных практик»* рассматривается процесс формирования и развития церемониальной коммеморативной практики.

Юбилейные торжества, посвященные 500-летней годовщине Куликовской битвы, заняли важное место в коммеморативной культуре Российской империи второй половины XIX века. Юбилейные мероприятия, большинство из которых были организованы по инициативе местной провинциальной интеллигенции, охватили большинство регионов страны, что позволяет отнести юбилей 1880 года к событию общероссийского уровня. В столице и провинции использовались разные виды коммеморативных практик, сочетавших как церковную, так и светскую часть: богослужения, крестный ход к памятнику, военный парад на месте сражения, торжественный ужин в зале Дворянского Собора в Туле, закладка Инвалидного Дома, народные гулянья, публичные чтения и лекции, издание памятных статей в разных городах Российской империи, изготовление памятных медалей, памятные заседания обществ в столицах. Поездка офицеров, осмотр ими поля битвы и экскурсия, проведенная Д.Д. Оболенским для Д.И. Иловайского и почетных гостей вышли за рамки официальной части церемониала. Для юбилейных торжеств 1880 года была характерна большая роль частной инициативы.

Целый ряд торжественных мероприятий, посвященных 500-летию юбилею Куликовской битвы, произошли в разных городах России. Поскольку все они были организованы по частной инициативе и не имели общей программы, они имели разный характер и число участников. В провинциальных городах основными формами коммеморации выступили церковные службы, духовные концерты (Одесса), народные гулянья (Коломна), чтения (Одесса, Калуга, Елисаветград), лекции (Варшава), речи (Брянск). Местами проведения юбилейных мероприятий были духовные

семинарии (Одесса), гимназии и училища (Калуга, Елисаветград, Брянск), университеты (Варшава). Еще один вид коммеморативных практик, ярко проявившийся при праздновании юбилея Куликовской битвы 1880 года – юбилейные публикации. В честь 500-летнего юбилея битвы были изданы памятные брошюры М.О. Кояловича, Д.И. Иловайского и других авторов, нашедшие широкое распространение в народе. Интерес к написанию и публикации брошюр проявляли не только столичные, но и провинциальные авторы. Торжественные мероприятия на Куликовом поле широко освещались на страницах местной тульской прессы. Кроме того, статьи и заметки о праздновании юбилея публиковались во многих провинциальных периодических изданиях.

*Во втором параграфе «Монументальная и топонимическая коммеморация в формировании «мест памяти» о Куликовской битве во второй половине XIX – начале XX веков» подвергнут анализу вопрос существования и трансформации на территории Российской империи «мест памяти», связанных с Куликовской битвой.*

В культурном пространстве Российской империи с Куликовской битвой было связано множество «мест памяти». Древнейший пласт «мест памяти» представляют места паломничества (церкви и монастыри). На протяжении XIX века существовали памятные места, ассоциируемые с Куликовской битвой и являвшиеся местами паломничества. Это отмечают многочисленные путеводители, фиксирующие уже оформившуюся традицию. Множество функциональных «мест памяти» находилось в Москве. Как правило, они были связаны с религиозными центрами.

Задолго до того, как на Куликовом поле были возведены памятники, память о сражении сохраняли монастыри и церкви. Центральное значение среди них принадлежало Троице-Сергиевой Лавре, связанной с деяниями Святого Сергия, благословившего на битву Дмитрия Ивановича. В исторических путеводителях Москвы нашли свое отражение городские легенды, которые свидетельствуют о почитании таких знаковых мест, связанных с Куликовской битвой, как Симонов, Спасо-Андроников, Донской и Вознесенский монастыри, церковь Всех Святых.

В рассматриваемый период оформилась общеимперская коммеморативная традиция увековечения мест памятных сражений российской истории, включавшая в себя комплекс из памятника-монумента, церкви и монастыря. Задуманная в первой половине XIX века концепция светского памятника-монумента и памятников духовных (церкви и монастыря) находит воплощение во второй половине XIX – начале XX в., что важно для российской коммеморативной культуры в целом. К началу XX века на Куликовом поле сложился архитектурный ансамбль памятников, при этом каждый отдельный памятник имел собственное значение.



Интерес к месту сражения 1380 года и описанию его достопримечательностей проявляли многие исследователи уже в первой половине XIX столетия – М.Н. Макаров, С.Д. Нечаев знакомили с местом выдающегося сражения столичную публику. Эту традицию продолжил И.Ф. Афремов, опубликовав в преддверии открытия памятника на Куликовом поле труд, который стал основополагающим для всех интересующихся местом сражения во второй половине XIX – начале XX вв.

На рубеже XIX-XX веков набирали популярность экскурсии учащихся на поля сражений, организованные под началом Министерства Народного Просвещения под руководством педагогов. Заложенные в программе инициаторов проведения юбилейных торжеств 1880 года идеи привлечения на место сражения как можно большего числа представителей учащейся молодежи разных губерний, найдет воплощение в посещении Куликова поля группой кадет в 1900 году.

В *третьем параграфе «Куликовская битва в родословной памяти российского дворянства второй половины XIX – начала XX веков»* рассматривается участие дворянства в коммеморативных практиках, связанных с Куликовской битвой, поднимается вопрос о предпосылках широкого интереса к этому событию в среде дворянства.

В коммеморативных практиках по степени участия и роли инициаторов субъектов коммеморации, а также среде их воздействия принято выделять несколько уровней: государственный, общественный и частный. Если первые два соотносятся с монументальной и церемониальной практикой, частный уровень коммеморации Куликовской битвы представлен традициями сохранения памяти о Куликовской битве, существовавшими в дворянской среде. В этом контексте важен вопрос о предпосылках и причинах возникновения частных традиций коммеморации Куликовской битвы в среде российского дворянства второй половины XIX – начала XX веков. Тульскому дворянству принадлежала значительная роль как в деле установки памятников на Куликовом поле, так и в проведении 500-летнего юбилея Куликовской битвы 1880 года. Стремление сделать место сражения памятным, имеющим особый статус, находит выражение в прошении В.И. Синельникова императору о даровании земли под строительство памятника на Куликовом поле.

Дворянские музейные коллекции представляют частную традицию коммеморации, которая существовала одновременно с государственной. Большинство дворян Тульской губернии рубежа XIX–XX веков относились к потомкам лиц, начавших службу до XVI века. Из этого следует вывод о том, что фамильная память большинства родов тульского дворянства была тесно связана с историей боярства, а значит, с эпохой Куликовской битвы. На рубеже XIX-XX вв. память о Куликовской битве была одним из факторов,

объединяющих российское столбовое дворянство. Многие из дворян соотносили себя с потомками выходцев из Золотой Орды, что позволяло воспринимать битву не как национальный конфликт, а как объединяющее народы (русский и татарский) и княжества событие. В этом контексте сформировался очень условный «образ врага» как абсолютного зла, не имеющего национальных черт, отражение которого характерно для нарративной практики коммеморации.

Эпоха Куликовской битвы нашла значительное отражение в дворянской фамильной памяти. Куликовская битва была единственным сражением позднего средневековья, связь с которым подчеркивалась в родословных сборниках второй половины XIX века. Большую активность дворянства в увековечении памяти о Куликовской битве стоит объяснить происхождением многих древнейших дворянских родов от участников этого сражения. С потомками героев Куликовской битвы соотносили себя роды Горских, Змеевых, Тютчевых, Арсеньевых, Чириковых, Стасовых, Нечаевых, Левшиных и многие другие.

Интерес дворян к тематике Куликовской битвы будет сохраняться и после революции 1917 года в среде российской эмиграции, что продолжит традицию коммеморации, заложенную дворянством XIX века. Для представителей дворянских родов частое обращение к теме Куликовской битвы связано с попыткой осознать свое место в настоящем, вспомнить идеалы бескорыстного служения Отечеству периода начала зарождения российского дворянства.

*В четвертом параграфе «Отражение Куликовской битвы в музейных и антикварных коллекциях второй половины XIX – начала XX веков» рассматривается процесс формирования представлений о реликвиях Куликовской битвы, их представление в коллекциях антикваров и музеев.*

Наряду с формированием комплекса коммеморативных практик во второй половине XIX – начале XX вв. происходил процесс формирования представлений о реликвиях Куликовской битвы. Артефакты, вызывавшие ассоциативную связь с событием прошлого, могли быть подлинными археологическими находками или возникать в виде произведений искусства, сувениров (подарки императорам, знамя Дмитрия Донского). В первой половине XIX века фиксируется, в течение изучаемого периода продолжает существовать традиция преподнесения находок с Куликова поля, а также сувениров, тематически связанных с Куликовской битвой, российским императорам.

Находкам с Куликова поля уделялось значительное внимание представителями столичных ученых обществ – Императорского общества любителей древней письменности, Петербургского Археологического института, Московского археологического общества, Исторического

общества Нестора-летописца. О наличии устойчивого интереса общества к находкам с Куликова поля в рассматриваемый период свидетельствует довольно значительное количество публикаций о них.

В собраниях московских музеев хранились экспонаты, связанные с Куликовской битвой. В экспозиции Тульской Палаты Древностей один из залов был посвящен победе на Куликовом поле, в нем были представлены не только реликвии сражения, но и живописные полотна, сувениры, тематически с ним связанные. Характерно, что для каждой сословной группы сформировался набор определенных предметов, которые отражали связь с прошлым. Для крестьян и духовенства такой формой стали кресты-энколпионы, для военных – знамена, для представителей дворянства – перстни, оружие. При этом представления о внешней стороне образа Куликовской битвы, нашедшие отражение в визуальной коммеморативной практике (оружие воинов, шлемы, кольчуги, бердыши) были тесно связаны с образом Смуты, что свидетельствует о близости предметного ряда и восприятия образа событий 1612 и 1380 годов.

Реликвии, являясь материальными «местами памяти», формируются из антикварной традиции и появляются в контексте развития национальной идеи. Реликвии Куликовской битвы играют важную роль в реализации коммеморативных практик. Они выполняют функцию трансляции памяти о событии, становятся элементами церемониальных практик разных уровней – государственного (участвуют в церемониях императорского двора, выполняют роль презентации государственных реликвий, являются частью интерьера государственных музеев и дворцов), семейного (хранятся в дворянских коллекциях как отражение исторической памяти дворянства) и общественного (представлены в экспозициях общественных музеев, хранилищах при церквях).

**В Заключении** обобщены результаты исследования, сформулированы основные выводы.

Во второй половине XIX века сформировались устойчивые характеристики образа Куликовской битвы, включавшие в себя представления о масштабах сражения, численности войск. В среде дворянства XIX века сложился образ князя Дмитрия Ивановича как государя, собравшего при своем дворе выходцев из разных земель и государств. Вместе с тем на протяжении второй половины XIX – начала XX веков вопрос о значении Куликовской битвы не имел единой оценки, содержал много смыслов, в связи с чем в разных формах коммеморативных практик могла подчеркиваться отдельная характеристика образа, актуальная в конкретный момент. К факторам, влияющим на актуальность события прошлого, можно отнести отражение интересов, идеалов разных сословий общества. Широкое смысловое содержание образа битвы привело к тому, что в образе

Куликовской битвы 1380 года нашли отражение аксиологические ценности разных сословных групп – дворянства, духовенства, крестьянства.

В формировании коммеморативных практик, связанных с Куликовской битвой, можно выделить два этапа. На первом этапе (1850 – 1880 гг.) сохранение памяти о Куликовской битве происходит в форме визуальной, нарративной практик, зарождаются монументальная и вместе с ней – церемониальная практики. На втором этапе (1880 – 1917 гг.) церемониальная практика усложняется, претерпевает развитие (в празднование 500-летнего юбилея вводятся такие элементы, как военный парад, богослужения в нескольких «местах памяти», в начале XX века вводится общероссийское поминовение воинов в Дмитровскую субботу). Эволюция монументальной практики находит воплощение в создании архитектурного ансамбля памятников, включавших колонну-памятник Дмитрию Донскому (1850 г.), трех храмов (1865 – 1917 гг.) и монастыря (1917 год).

Рубежом, определяющим переход к новому этапу развития коммеморативных практик становится юбилей Куликовской битвы 1880 года. В нем находят отражение важные особенности коммеморативной культуры Российской империи 80-х гг. XIX века. К ним относится преобладающая роль инициативы снизу в организации и проведении юбилейных мероприятий и торжеств. Это предопределяется отсутствием единой общеимперской программы празднования и наличием региональной специфики, имеет следствием использование разных форм коммеморативных практик в разных регионах. Общеимперский уровень проведения комплекса торжественных мероприятий в год 500-летней годовщины Куликовской битвы стал возможным благодаря развитию периодической печати, которая освещала происходящие события и знакомила с ними жителей разных регионов страны. Благодаря этому удалось сделать объектами коммеморации представителей разных сословий российского общества.

На протяжении изучаемого периода происходило функционирование старых и формирование новых «мест памяти» (общественных музеев и частных коллекций). «Местами памяти» Куликовской битвы являлись объекты топонимики – Московский Кремль, монастыри (Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Симонов, Спасо-Андроников, Донской и др.), церкви (Всех Святых в Москве, Дмитрия Солунского в Великом Новгороде и др.), а также места Тульской, Рязанской губерний, легендарно связанные с местами остановки войск на пути к месту сражения, упоминаемые в «Сказании о Мамаевом побоище». Центральным «местом памяти» на протяжении периода становится Куликово поле – место сражения 1380 года.

**Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:**

**Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации:**

1. Стребкова Л.И. Формирование церемониала юбилейных торжеств, посвященных 500-летию Куликовской битвы // Клио. 2022. № 3 (183). С.78–85 (0,8 п.л.).
2. Стребкова Л.И. Юбилей Куликовской битвы 1880 года в зеркале эпохи // Клио. 2022. №. 9 (189). С. 79–84 (0,7 п.л.).
3. Стребкова Л.И. Дмитрий Донской и герои эпохи Куликовской битвы в родословных преданиях российского дворянства (по материалам родословных сборников второй половины XIX века) // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7. № 1. С. 108–158 (3,0 п.л.).
4. Стребкова Л.И. Коммеморация Куликовской битвы в историографии начала XX – XXI веков // Клио. 2023. № 12 (204). С. 23–32 (1,0 п.л.).

**Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:**

5. Стребкова Л.И. Коллекция оружия и предметов, связанных с памятными событиями русской военной истории в фондах Тульского Епархиального Дрвлекранилища // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. 16–18 октября 2019 г. / ФГБУК «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2020. С. 458–462 (0,5 п.л.).
6. Стребкова Л.И. М.Н. Макаров и монумент на Куликовом поле // «Начинается земля, как известно, от Кремля...»: к 500-летию Тульского Кремля: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тула, 20–24 апреля 2020 г.). Тула, 2020. С. 100–112 (0,9 п.л.).
7. Стребкова Л.И. Куликовская битва в трудах русских военных теоретиков второй половины XIX – нач. XX вв. // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. 7–9 октября 2020 г. / ФГБУК «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2021. С. 499–506 (0,8 п.л.).
8. Стребкова Л.И. Куликовская битва в российских учебниках второй половины XIX – начала XX вв. // История. Историки. Источники. 2021. №3. URL: [history2014.esrae.ru/33-313](http://history2014.esrae.ru/33-313) (дата обращения: 21.02.2023) (1,5 п.л.).
9. Стребкова Л.И. Организация и тактика русского войска XII-XIV вв. в отечественной историографии // Город Средневековья и раннего Нового

времени VII: археология, история / под ред. И.Г. Бурцева. Тула, 2021. С. 334–342 (0,9 п.л.).

10. Стребкова Л.И. Образ Куликовской битвы в произведениях батальной живописи середины XIX века // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. 27–29 октября 2021 г. / ФГБУК «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2022. С. 515–521 (0,7 п.л.).

11. Стребкова Л.И. Место Куликовской битвы в традициях русской императорской армии второй половины XIX – начала XX вв. // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. 26–28 октября 2022 года / ФГБУК «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2023. С. 474–480 (0,7 п.л.).

12. Стребкова Л.И. Конструирование образа Куликовской битвы в учебных изданиях Российской империи рубежа XIX–XX веков // История. Историки. Источники. 2023. №4. URL: [history2014.esrae.ru/42-400](http://history2014.esrae.ru/42-400) (дата обращения: 18.11.2023) (1,1 п.л.).

13. Стребкова Л.И. Увековечение памяти о событиях русской военной истории в русских памятниках XVIII–XIX вв.: сравнительный анализ // Tractus aevorum. 2023. 10 (4). URL: [http://belsu-tractus-aevorum.ru/images/Issues/10-4/tractus\\_2023\\_10-4\\_474-490.pdf](http://belsu-tractus-aevorum.ru/images/Issues/10-4/tractus_2023_10-4_474-490.pdf) (дата обращения: 30.12.2023) (1,9 п.л.).

14. Стребкова Л.И. Опыт представления культурного наследия Куликовской битвы 1380 года в современном музее (на примере музея Куликовской битвы в Моховом) // Мир оружия: история, герои, коллекции. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. 25–27 октября 2023 г. / ФГБУК «Тульский государственный музей оружия». Воронеж, 2024. С. 501–504 (0,5 п.л.).